

Елена Гусарева

ЗАМЕТЬ МЕНЯ В ТОЛПЕ

18+

Ищи меня в отражениях

Елена Гусарева

Заметь меня в толпе

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Гусарева Е.

Заметь меня в толпе / Е. Гусарева — «ЛитРес: Самиздат»,
2017 — (Ищи меня в отражениях)

ISBN 978-5-532-12019-8

Надя становится свидетелем похищения национального достояния Чехии - знаменитого Вышеградского кодекса. А вор никто иной, как старый знакомый...Продолжение романа "Ищи меня в отражениях". Я погружалась в отражение лишь однажды, но, казалось, нет ничего более естественного. Стоило подойти к зеркалу, оно тут же отозвалось — выгнулось навстречу, словно старый друг желал обнять после долгой разлуки. Я переступила через раму, отбросив свое тело, как промокший плащ, и устремилась в мой мир. В оформлении обложки использована авторская иллюстрация художницы Алисы Франц.

ISBN 978-5-532-12019-8

© Гусарева Е., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Часть I

Глава 1

Отец торопливо шагнул впереди и катил чемодан. Мама семенила рядом, придерживая за локоть.

- Стас, какой у нее терминал? «А» или «Б»?
- «А», – буркнул отец, не оборачиваясь.
- Надя, ты ничего не забыла? У тебя телефон заряжен?
- Угу, – отозвалась я.
- Пришли СМС как долетишь. Я позвоню тебе через два часа.
- Если ты все равно позвонишь, зачем писать?
- Не спорь с матерью.

Любимая фраза...

Мы подошли к терминалу. Дальше идти одной. Сердце запрыгало в груди, руки похолодели и стали влажными.

Неужели отпустят?

– Давайте подождем в сторонке. Времени еще предостаточно, – в голосе мамы послышалось волнение.

Только не это...

- Мам, мне пора, – попыталась возразить я.
- Посидим на дорожку. Вот сюда, – она схватила меня за руку и потащила к креслам. Отец уныло покатил чемодан за нами.

Неужели она передумала? Документы и посадочный талон у нее...

- Мне еще паспортный контроль проходить и досмотр. Там очередь...
- Успеешь, – отрезала она.

Мать усадила меня в кресло, сама опустилась на соседнее. Мы молчали.

- Надя, ты опять кричала ночью.
- Мам, ну зачем об этом сейчас? – я попыталась встать, но она удержала.
- Сколько это будет продолжаться? Я волнуюсь.

Я знала этот тон. Сейчас она начнет нервничать, потом злиться, а потом возьмет такси, и мы поедем домой.

Объявили начало посадки на Пражский рейс. Я вскочила и схватилась за ручку чемодана.

- Мне нужен мой билет и паспорт, – я протянула руку. Пальцы предательски задрожали.
- Ну разве можно ее отпускать в таком состоянии? – как всегда, мать искала поддержки у отца, но на этот раз проиграла.

- Анастасия, отдай документы и пойдем. Уже все решено.
- Стас, ты разве не видишь, что эта летняя школа – просто предлог. Она хочет...

Отец схватил ее сумочку, вытащил бумаги и протянул мне.

– Счастливо, дочка, – он обнял меня и поцеловал в щеку. – Не делай глупостей, ты обещаешь.

Так и не попрощавшись как следует с родителями, я побежала к турникетам на терминал.

.....

Мы приземлились в Праге. Вой турбин затих, и из динамиков над головой заиграла музыка. Легкие переливы, словно журчание апрельского ручейка в ледяном русле. Жаль, что нет рядом Софи, она бы наверняка знала, кто сочинил это чудо. Скорее всего, какой-то неизвестный мне классик.

Стюардесса, растягивая гласные, приветствовала на «чешской земле» и попросила не вставать до полной остановки самолета.

Неужели эта поездка состоялась? Невероятно, что родители отпустили меня одну так далеко и так надолго. Казалось, я сойду с трапа и опять увижу их осточертевшие лица. После трех лет ежедневного, ежечасного, ежеминутного контроля... Они в буквальном смысле не спускали с меня глаз. И вот я одна в Праге! Мои надзиратели придут через несколько дней. Но до тех пор я абсолютно свободна!

Времена, когда я мечтала провести с родителями хотя бы один выходной, давно прошли. Помню, лет в пять, еще до школы, я упрашивала их отвести меня в парк на карусели. «У меня дома аттракцион» – отвечала мама, бросая недовольные взгляды на папу. А тот хмурился, но продолжал писать свои загадочные закорючки и формулы. Часто потом эти бумаги с непонятными вычислениями летели в корзину для мусора. Иногда я забиралась к папе под стол, пока он работал, выуживала из корзины бумажку и начинала рисовать поверх писанины. Однажды папа в порыве выкинул какие-то гениальные расчеты, и мне здорово досталось за своих медуз и цветных рыбок.

И все равно нравилось сидеть у папы под столом. Иногда он бросал на меня ласковый взгляд, а потом опять продолжал работать.

В детстве у меня всегда было достаточно времени побыть наедине с собой. Родители отдавали себя работе, решению бытовых проблем, обсуждению тревожных новостей по телевизору, выяснению отношений – чему угодно, только не своему ребенку. Неважные оценки в школе их особо не волновали. Только когда я получала очередную двойку по математике, мама начинала приставать к отцу, чтобы он позанимался со мной. Тот отмалчивался или говорил, что ему некогда, что у него на работе аврал и нужно подготовить результаты к институтской конференции, или проверить курсовые работы студентов, или что-то еще. Отговорки находились всегда. Маму это бесило. Она начинала кричать, что толку от его научной деятельности с гулькин нос, денег она не приносит, а «ребенок выдающегося физика ходит в обносках и получает двойки по математике, потому что отец у нее ни на что не годный». Отец на такие заявления пыхтел и хмурился. Крыть ему было нечем. В конце концов он убегал из квартиры, громко хлопнув дверью, но не забыв прихватить пару тетрадей и ручку. Маму это особенно огорчало. Она плакала, а я уходила в свою комнату. Приближаться к ней в такие моменты было себе дороже. Радовало только, что о моей двойке уже никто не вспоминал.

Надо было ценить то время.

Мой побег в зазеркалье перевернул все с ног на голову. Нам пришлось изменить образ жизни, имена, страну... Мой «никчемный» отец вряд ли сумел бы провернуть такое. На счастье, дядя Сережа («настоящий мужик» дядя Сережа), который всегда с обожанием смотрела на маму, помог бесследно исчезнуть, оставив позади прошлое с его неразрешимыми проблемами.

Мы сбежали в западную Европу и поселились в маленьком Бельгийском городке Льеже. Отца пригласили профессором в местный университет. Зарабатывал он теперь не в пример больше, поэтому мама не работала вовсе, проводя со мной двадцать четыре часа в сутки. Друзей у меня не было так же, как и возможности ими обзавестись. В школе я училась заочно. Вечерние занятия французского для эмигрантов мы посещали всей семьей. Вместе гуляли в парке, ходили в кино и на выставки. Вскоре отец приобрёл старенький Форд, и наша троица исколесила все близлежащие страны, останавливаясь в кемпингах или дешёвых отелях.

В общем, родители из кожи вон лезли, чтобы отвлечь меня и втянуть в новую благополучную, стерильную и абсолютно искусственную жизнь. Было очевидно, что и родителям обрыдло такое существование. Отец окончательно ушел в метафизический мир формул и вычислений. Там ему было понятней и проще. А мама оказалась совершенно одинокой. Ее связь с много-

численными подругами быстро прервалась. Французский ей не давался. А из меня собеседник был тот еще. Наш дом превратился в тюрьму для нас обеих.

Нетрудно догадаться, чего боялись родители, и именно это раздражало больше всего. Ведь в нашем доме даже ложки не блестели, а слово «зеркало» и вовсе считалось табу.

В прошлом году ситуация обострилась до предела. Настал момент, когда я поняла, что больше не могу жить с чувством вины за безоблачную жизнь в искусственном и комфортном мире. Как ни старалась, не получалось найти себе оправдание и дальше мириться с тем, что оставила его там одного, не смогла вернуться, как обещала.

В тот день я тайком наточила лезвие маленького кухонного ножа до остроты скальпеля и сообщила родителям, что собираюсь расслабиться в ванной... Они увлеченно смотрели какой-то новый фильм. Действовать пришлось быстро. Я привязала ручку двери к трубе раковины шнуром от стиральной машины. Закатала рукав пижамы. Однако дальше все оказалось непросто. Решимость испарилась, как только я взяла нож. Руки дрожали. На лбу выступил холодный пот. Как и в тот роковой момент я поняла, что не хочу этого... Не хочу расстаться с жизнью. Но отступить было поздно.

Трагический суицид не удался, оставив красочный шрам и потрясенных предков. Меня скрутили и увезли в скорую. Руку зашили. Врач настоятельно рекомендовал обратиться к психологу. Родители кивали, но я знала, никакого психолога ко мне не подпустят. Ночью мама дежурила у моей постели. Утром отец забрал нас домой.

Дома родители, сообщили, что дальше так продолжаться не может.

Еще бы!

Они соглашались дать мне больше свободы и самостоятельности, если только я поклянусь не приближаться к зеркалам. Мама, как всегда, пустила слезу и пригрозила, что сама покончит с собой, если я еще раз уйду в отражение. Я дала обещание.

Мои надзиратели спросили, что они могут для меня сделать. Я сказала первое, что пришло тогда в голову: хочу посещать художественную студию.

В студию при королевской академии искусств я записалась на следующий же день. Два семестра проходила на занятия. Первые полгода кто-то из родителей неотлучно ждал меня в коридоре академии.

Одногруппники смотрели косо. Знакомиться со странной новенькой, которая не понимает местных шуточек и мутно изъясняется на французском, никто не спешил. Да еще и постоянное присутствие родителей...

Потом, когда я познакомилась с Софй, она спросила напрямую, нет ли у меня проблем с наркотиками? А то в группе считают...

Не скрывая любопытства, она поглядывала на мой живописный шрам. Надо признать, я везде выставляла его напоказ, чтобы позлить своих церберов. Я сказала, что никогда не баловалась такими вещами. Она хитро хмыкнула. Кажется, именно моя скандальная репутация притянула Софи. Эту девчонку вообще привлекало все запретное и неправильное. У меня появился друг, пусть лишь на время занятий в студии.

Когда родители узнали, что одногруппники считают меня наркоманкой, постепенно упростили свой гестаповский режим. Мне вручили новенькую Моторолу, обзав ответчать на звонки и строчить сообщения каждые пятнадцать минут. Так начался мой путь к свободе.

Маме казалось, я, наконец, перестала вспоминать о прошлом и начала планировать свое будущее. Наверное, так оно и было. Однажды я заикнулась о желании стать иллюстратором или мультипликатором. Что тут началось! Художество – это не профессия. Архитектура – твоё будущее.

Про себя я тогда решила больше никогда не поднимать этой темы. Однако, сама же припомнила ее слова, когда увидела на доске объявлений академии красочный плакат: «Меж-

дународная летняя школа молодых архитекторов в Праге, 2000.» Это был первый проблеск надежды.

Я поняла, что поездка в Прагу – мой единственный шанс обрести полную свободу и сделать то, о чем я мечтала каждый день последние три года.

Оказалось, курс доступен всем желающим. Условия проживания спартанские, но меня это не волновало.

Родители сразу восприняли в штыки мое стремление отправиться в восточную Европу. Тогда я выложила главный аргумент: в следующем году мне исполнится восемнадцать. Как только стану совершеннолетней, никто и ничто не удержит меня в родительском доме, если только сердобольные предки не прикуют цепью в подвале. Я заявила, что родителям стоит поостеречься наседать на меня, иначе очень скоро мы расстанемся навсегда. Мама заплакала. У отца задрожали губы. Но я больше не могла позволять собой манипулировать. Я перестала быть послушным, тихим ребенком и безоговорочно потребовала назад свою жизнь.

И вот я здесь, в Праге. Колесики чемодана тихо шуршат по ребристому покрытию трапа. Новая жизнь встречает в аэропорту.

Глава 2

Софи прилетела в Прагу тремя днями ранее, чтобы погулять и развлечься до того, как начнется летняя школа.

Пробыв в Праге всего ничего, Софи уже успела нахваталась местных повадок. Она быстро чмокнула меня в щеку, схватила сумку и, игнорируя таксистов, повела на автобусную остановку. Когда я заикнулась, что хорошо бы обменять деньги, она посмотрела на меня, как на сумасшедшую.

– Нади, ну кто же меняет деньги в аэропорту? – заявила она. – Тут грабительский тариф. Я покажу тебе отличный обменник в городе.

– Ça va¹, – я поджала губы и поспешила за ней.

На остановке Софи притормозила возле желтого автомата, кинула в щель пару монеток и ткнула в одну из десятка кнопок. Автомат затрещал и выплюнул листочек с бледно-оранжевой полосой, на которой значилось «PRAŽSKÁ INTEGROVANÁ DOPRAVA²». Софи протянула мне билет со словами:

– Вот. Рекомендую сегодня же приобрести проездной на месяц.

– Merci.³ Я понимаю практически все, что тут написано. Похоже на русский.

– Sérieusement⁴? – Софи поморщилась.

Неужели ей обидно признать, что за каких-то три дня она все еще не научилась бегло говорить по-чешски?

– Для меня это тарабарщина! Даром, что буквы латинские.

– Вот тут написано, что билет действителен в течении 60 минут.

– Да что ты! А я и не догадалась, что «60 min» означает 60 минут! – ноздри Софи вздулись и на щеках еще сильнее обозначились веснушки. У нее все было через край.

– Не сердись! – Я подошла и заправила ей за ухо выбившийся рыжий локон. Она слабо попыталась отдернуть мою руку.

Софи была милой до приторности, особенно когда сердилась. Ее внешность фарфоровой куклы с пухлыми губками и розовыми веснушчатými щеками имела самый легкомысленный вид. Глаза Софи были особенно прекрасны, светло зеленые с коричневым колечком у края радужки. Софи отлично знала, какое производит впечатление, и это бесило ее еще больше. Она часто жаловалась, что люди не воспринимают ее всерьез и не слушают, о чем она говорит.

– Bon!⁵, – буркнула Софи.

Подъехал автобус.

Ну надо же, номер «119»! В Зауральске именно этот рейс ходил до аэропорта.

Мы подхватили чемодан и вошли в переднюю дверь.

За окном пряничными домиками мелькали окраины Праги. Этот город был гораздо солнечнее и живее, чем Валлония с ее мрачными постройками из вечно мокрого кирпича цвета кровавой колбасы. Вот где легко представить угрюмого Голема⁶, блуждающего в темных переулках еврейского гетто.

¹ Хорошо (перевод с французского).

² Пражская интегрированная транспортная система (перевод с чешского).

³ Спасибо (перевод с французского).

⁴ Seriously? (перевод с французского).

⁵ Ладно! (перевод с французского).

⁶ Голем – персонаж еврейской мифологии.

Мы вышли на конечной и спустились в метро – уютное и чистое, как и все в этом городе. Новые вагончики с красными в желтую полоску сидениями и мягкий обволакивающий голос, объявляющий остановки.

«Позор процестуйцы»⁷... Смешные эти чехи. Жаль, что Софи не поймет, посмеялись бы вместе.

Несколько остановок с забавными именами: «Градчанска», «Малостранска», «Мустек». Пересадка на красную линию, еще несколько станций, и мы на месте.

Кругом все те же разноцветные пряничные домики с живыми изгородями, садами и подъездными дорожками из гальки.

Умиляюсь, как дурочка, ей богу! Наверно, это все воздух свободы.

– Вон та уродливая высотка – наше общежитие, – махнула рукой Софи.

Над стеклянным входом гордо значилось «Hotel Mazanka».

– Хотел – это они сгоряча, – предупредила подруга.

На рецепции нас встретил полный седой мужчина. На английском с сильным славянским акцентом он представился, как пан Жижка. Строго посмотрев на нас, он сделал копию моего паспорта, записал что-то в большую книгу постояльцев и выдал ключ от комнаты.

Скрипучий лифт доставил на седьмой этаж. Колесики чемодана мягко зашуршали по ковровому покрытию в длинном коридоре.

– А вот и наша комната, – Софи воткнула ключ в замочную скважину. – Обстановка, конечно, не шик.

Мы вошли в тесную прихожую. Софи бросила ключи на низкий шкаф для обуви. Я огляделась и обмерла. Прямо напротив висело узкое зеркало в человеческий рост.

Я медленно подошла к нему и дотронулась до рамы. Мурашки побежали по телу. Меня так тщательно ограждали от зеркал, что я не была уверена, знаю ли, как выгляжу теперь. Память листала картинки: мамино заплаканное лицо. Слезы стекают с ее подбородка, и я чувствую влагу на груди. Мама целует меня в щеки, в лоб, в руки, целует и рыдает... А я чувствую, как воздух ошпаривает легкие и нет сил поднять руки и обнять маму.

– Что, давно не виделись? – ухмыльнулась Софи, схватила мой чемодан и утянула в комнату.

– Ты даже не представляешь, как... – сказала я по-русски.

Конечно, совершенно оградить меня от зеркал было невозможно. Они повсюду. Я урывками замечала себя в витринах магазинов, в зеркальной панели с кнопками в лифте, в прямоугольной полоске зеркала дальнего вида в такси. Однако, с тех пор, как я вернулась из зазеркалья, обстоятельно изучить свое отражение в полный рост возможности так и не представилось. Теперь было немного странно видеть себя повзрослевшую, вытянувшуюся чуть ли не на целую голову, но все такую же плоскую, как и три года назад. И глаза все те же, как у чокнутого филина.

– Ты что-то сказала? – Софи выглянула и тут же скрылась за дверью нашей комнаты.

– Non, rien⁸.

Я оторвалась от зеркала и вошла в комнату.

Она оказалась достаточно просторной. Две кровати с затертыми спинками, простой письменный стол, книжная полка, пара стульев и потрепанное кресло.

– Я оставила тебе место, – Софи раздвинула стенки шкафа.

– Спасибо. Ты просто милашка.

Софи фыркнула.

⁷ Имеется в виду «Pozor pro cestující!» – Внимание пассажиры! (перевод с чешского)

⁸ Нет, ничего (перевод с французского).

– У нас есть свой душ. А кухня общая, одна на этаж. Но я планирую каждый день обедать в новом месте. Обещала отцу привезти несколько рецептов чешской кухни для ресторана. Как насчет прогуляться по Староместской площади, а потом в кафе и побаловать себя пирожным с кофе? А вечером можно в кино.

Когда в последний раз я была в кино с подругой? Такое вообще когда-нибудь было?

– Звучит, как план. Только я не пойду на один из твоих ужастиков, которые ты вечно пересказываешь.

– Да ладно! – недовольно протянула Софи. – Ну, что за облом! Я еще не смотрела «Пункт назначения»⁹.

– Софи, я терпеть не могу ужасы.

С меня и ночных кошмаров достаточно.

– Мм... ну, ты подумай до вечера, о'кей?

.....

Я вышла из ванной и остановилась напротив зеркала с расчёской в руках. От зеркала потянуло теплом, поверхность завибрировала, заблестела. Целый день гуляя по Праге с Софи, я думала лишь о том, как останусь с ним наедине. Но сейчас слишком рано.

Я развернула чалму из полотенца. Волосы жидкими сосульками рассыпались по плечам. Я принялась их расчесывать.

Через приоткрытую дверь комнаты я наблюдала за Софи. Она растянулась на кровати с книгой в руках, на голове красовались огромные розовые наушники. Запрокинув ногу на ногу, подруга покачивала носком голый ступни в такт музыке, которая пробивалась через наушники даже сюда, в коридор. Лицо у Софи было сосредоточенным и немного комичным.

Не понимаю, как можно одновременно читать и фоном слушать музыку?

Музыка всегда вызывала слишком много эмоций. Каждая композиция, как маленькое потрясение, локальный взрыв или шторм – я никогда не могла оставаться равнодушной. Даже самая незатейливая мелодия способна поглощать все мое внимание. Единственное, что я могла совмещать с музыкой – рисование. Но и здесь звуки безраздельно руководили мной, настраивая на свой лад.

Софи слушала музыку постоянно. Половину большого чемодана, с которым она приехала в Прагу, занимали диски. Там, если покопаться, можно найти все – от гламурной попсы до классики и даже народного фольклора. Пару дней назад она засыпала меня восторженными смсками по поводу “потрясного” концерта в каком-то “знаменитом” джазовом клубе, где выступал даже сам Билл Клинтон. Ну, что я могла ей ответить? Конечно: “OMG!¹⁰ OMG! Пищу и трепещу!”.

Зато Софи прониклась неподдельным уважением, когда я достала из чемодана старый плакат с клоуном и надписью готическим шрифтом – «Lacrimosa»¹¹.

– Не знала, что ты такое любишь.

– Иногда.

Я все еще расчесывала волосы, пытаясь придать им сколько-нибудь приличный вид, когда незаметно подкралась Софи. Розовые динамики обнимали ее шею, а провод путался где-то в пижамных штанах. Она застыла на пороге и, серьезно спросила.

– Нади, скажи все-таки, что с тобой не так?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, ты совсем не похожа на наркоманку.

– Это вы придумали. Я никогда подобных заявлений не делала.

⁹ Фильм ужасов 2000 года режиссёра Джеймса Вонга.

¹⁰ Аббревиатура на английском «Oh My God!» – О, боже мой! (перевод с английского)

¹¹ Швейцарская готик-металлическая группа.

– Тогда где ты проштрафилась? – Она села на ботник и подтянула колени к подбородку. – Я до конца не верила, что родители отпустят тебя в Прагу совершенно одну.

– Они обещали приехать через неделю и провести здесь свой двухмесячный отпуск...

– О-ла-ла!.. – Софи поморщилась. – Бедняга! Но все-таки?..

Я отложила расческу. Мне и самой давно хотелось с кем-то поделиться своей историей. Память, словно четки, перебирала каждое незначительное событие тех дней.

Несколько раз я пыталась поговорить с мамой, но та категорически не желала вспоминать *его*. «Думай о будущем, начни с чистого листа, выкинь его из головы, повзрослей!». Но как забыть о том, что *он* сделал для меня? И как забыть о том, что я для *него* не сделала?..

– Да все на самом деле просто и скучно. Если коротко, я встречалась с парнем. Ну, как, с парнем... с мальчиком. Нам было по четырнадцать. Мой одноклассник. Так случилось, что мы впутались в одну криминальную историю. Очень серьезную... Достаточно сказать, что именно из-за этого нашей семье пришлось переехать. Вот и все.

– Криминальную? Вау! А тот мальчик?

– Я ничего о нем не знаю с тех пор.

– Как? Но ты пыталась?..

– Нет!

– Это из-за него? – Софи кивнула на руку.

Я пожалала плечами.

– Наверное. А, может, просто хотела лишнего внимания. Ладно, давай спать! – Я подхватила полотенце и пошла в комнату.

Софи молча скользнула следом, улеглась и выключила свет.

Вопросы подруги взбудоражили, подняли со дна души муть, которая и без того не хотела улечься.

«А что тот мальчик?..»

Все попытки узнать о *его* судьбе после тех роковых событий казались теперь смехотворными, детскими. Стыдная правда заключалась в том, что я сдалась, быстро и просто. Перестала сопротивляться обстоятельствам и тирании родителей. Я плыла по течению своей новой размеренной, безопасной, бестолковой жизни. Но за три года никто и ничто так и не смогли заменить *его*. Я чувствовала, что должна попытаться еще один последний раз, пока не приехали родители и не сорвали со стены в коридоре зеркало.

От кровати подруги доносилось мерное посапывание. В любом случае, ждать дольше невыносимо. Я тихо поднялась, прошмыгнула в коридор и зажгла верхний свет. Несколько секунд прислушивалась, не спросит ли Софи, зачем я включила свет посреди ночи. Но та, кажется, уже смотрела свой десятый сон.

Я погружалась в отражение лишь однажды, но, казалось, нет ничего более естественного. Стоило подойти вплотную к зеркалу, оно тут же отозвалось, выпнулось навстречу, словно старый друг желал обнять после долгой разлуки. Не было ни страха, ни сомнений, лишь нетерпение вновь увидеть привычное, родное и горячо любимое. Я переступила через раму, отбросив свое тело, как промокший плащ и, не задерживаясь в отражении коридора, устремилась в мой мир. Я вся дрожала от предвкушения вновь увидеть плавающие в бесконечности лестницы и причудливой формы переходы, нарушающие все законы физики и геометрии вращающиеся мосты и тоннели, башни, уходящие далеко за облака с бьющими из окон водопадами, мою площадь с розовым фонтаном и, конечно же, двери. Сотни излучающих нежное свечение дверей. Я ворвалась в зазеркалье и...

Глава 3

Наша группа абитуриентов-архитекторов высыпала из вагона трамвая на каменную мостовую набережной. Шествие возглавлял совсем молодой преподаватель Матеаш. Гуськом мы пересекли проезжую часть в направлении маленького скверика напротив того самого необычного дома. Софи охарактеризовала его, как “Сто процентов надо посмотреть!” Подруга, в отличие от меня, всерьез была настроена поступать в академию. У нее глаза загорались, когда начинала рассуждать об экоустойчивой архитектуре.

Оказавшись на зеленом пятачке, мы с Софи приземлились на ступеньку постамента какому-то известному только местной публике деятелю и начали доставать из сумок принадлежности для рисования. Матеаш тем временем распинался об истории и архитектурном стиле здания, выдавая давно заученный текст. Он заметно нервничал и поминутно дергал себя за жидкую бородачку.

– Напротив вас располагается так называемый Танцующий Дом – яркий представитель деконструктивизма. Этот стиль являет собой деформацию стандартных строительных конструкций до максимальной необычности. Кривые формы вызывают легкое головокружение, кажутся нескладными и создают иллюзию движения. Однако достаточно лишь приглядеться внимательней...

– Какой он нудный, – шепнула я Софи.

Она возмущенно фыркнула и посмотрела на меня своими ясными кукольными глазами.

– Да ладно! Смотри какой он милый. Так старается! И все еще волнуется, хотя мы уже три дня с утра до вечера вместе по Праге болтаемся. Я бы с ним замутила...

– Тебя послушать, ты бы с каждым вторым замутила.

– Конечно! А ты думаешь, зачем я сюда приехала?

– Мне казалось, ты обожаешь архитектуру.

– Одно другому не мешает.

Матеаш, наконец, иссяк. Теперь он залез на самую верхнюю ступеньку постамента и чуть повизгивающим голосом озвучил наше задание на сегодня:

– Я предлагаю зарисовать общий план здания, а потом сосредоточиться на одной конкретной детали и хорошенько ее проработать.

Мы принялись за дело. Софи старательно вычерчивала «элегантность и красоту кривых линий». Мне хватило десяти минут, чтобы заскучать. Еще и сели мы на самом солнцепеке. Я сделала небрежную зарисовку архитектурного шедевра, наскоро набросала пару кривых окон и сообщила Софи, что хочу сменить ракурс. Спрятавшись в тени памятника, начала рисовать своих одноклассников.

К концу второго часа у меня уже собралась полная коллекция. Два парня из Швеции, Эрик и Ларс, сидели спина к спине, держа на коленях альбомы с жесткой основой. Один левша, другой правша. Очень удобно. Можно время от времени тайком братья за руки, не оборачиваясь и не прекращая рисовать. Такими я их и изобразила. Потом Мария – альбиночка из Германии, болтливые итальянцы – Энзо, Зиги и Марио, ужасно скромная Мина из Марокко, и последняя композиция – Софи, и ее тайный воздыхатель Франсуа из Парижа. Кажется, он втрескался в мою подругу с первого взгляда.

Вчера я намекнула, что кое-кто из нашей группы оказывает ей знаки внимания. Софи метнула заинтересованный взгляд, но тут же отмахнулась. Франсуа попал в немногочисленную компанию парней не в ее вкусе. Хотя с нее станется и передумать. Ведь у Франсуа было явное преимущество, он говорил по-французски.

Не удивительно, что мой Танцующий Дом оказался хуже всех. Даже итальянцы умудрились детальнее проработать рисунки. Хотя они, кажется, занимались делом не дольше меня.

– Ну что ж, ребята, сейчас у нас будет перерыв, – объявил Матеаш. – Можете пообедать и отдохнуть. Встречаемся в пять у метро Малостранска. Оттуда все вместе идем на Пражский град¹². Продолжим там.

Мы с Софи собрали вещи и отправились на поиски недорогой господы. Так здесь называли маленькие ресторанчики, в которых обычно обедали местные. Мне понравилось это слово. От господы веяло чем-то старославянским, родным. Там всегда вкусно пахло сосисками, пивом и немного квашеной капустой. А если мимо пробежал официант с тарелкой знаменитой свичковы¹³, я была готова проглотить язык! В господах не было и следа бельгийской чопорности с тонко-нарезанной сырой говядиной под одуванчиками в центре огромных тарелок. Такого аппетита, как в Праге, я не помнила с детства.

.....

Он отдавался игре на виолончели с такой бешеной страстью, какую можно ожидать лишь от совсем молодого парня. Его черные длинные волосы метались в урагане музыки. Веки плотно сомкнуты. Губы шевелились, хватали воздух и беззвучно выкрикивали что-то над-рывно яростное. Волос смычка рвался от напряжения, когда музыкант набрасывался на струны, словно желая ужалить инструмент побольнее. Тонкие пальцы летали по грифу дрожа на каждой ноте. Виолончель под его натиском неистово стонала, срывалась на визг, и в следующую секунду звучала еще пронзительнее. Создав своей игрой такое напряжение, что дальше, казалось, невозможно, парень начал выстукивать ритм ногами, заражая толпу зеваяк следовать его примеру. Музыкант подчинил себе всех случайных свидетелей уличного концерта. Вот и мы с Софи застряли на Карловом Мосту¹⁴.

Все закончилось так же внезапно, как началось. Парень раскрыл глаза, обвел толпу случайным взглядом и вдруг отбросил инструмент. Смычок выскользнул из его рук и раскололся о камни мостовой. Парень согнулся пополам, будто от резкого спазма, и прижал руки к глазам. Его рот распахнулся, но ни звука не вырвалось оттуда.

– Пойдем! Нам пора. – Софй потянула меня за рукав. – Voyons¹⁵!

– Подожди, с ним что-то не так...

Музыкант медленно убрал ладони от лица. Казалось, он был чем-то потрясен и выглядел настолько безумно, что зрители сразу потеряли интерес. Толпа быстро начала редеть. Кто-то кидал монеты в раскрытый футляр виолончели, но музыкант не обращал на это внимания. Он дрожал и таращился вокруг.

– Надй, концерт закончен. Allons!¹⁶

– Но...

– Ты видишь, он не в себе. И музыка у него странная.

– Музыка замечательная!

– Ну надо же! Она в кои-то веки заценила музыку. – Софи опять потянула меня прочь. – Нас давно ждут. Скоро пять. Где мы с тобой будем искать группу?

– Bien, – сдалась я, позволяя увлечь себя в кривые улочки старой Праги.

Несколько минут мы молча бежали в сторону метро.

– Слушай, я а поняла, чем он так цепляет.

– Кто?

– Ну музыкант этот. Любое искусство привлекает внимание силой и искренностью эмоций. От этого парня просто шквал энергии прет. А музыка его – это имитация секса.

¹² Крепость в Праге, национальный памятник Чехии.

¹³ Традиционное блюдо чешской кухни. Говяжья вырезка в сливочном соусе, подается с кнедиками (отварное изделие из теста), брусничным вареньем и взбитыми сливками.

¹⁴ Средневековый мост через Влтаву, соединяющий исторические района Мала Страна и Старое Место

¹⁵ Ну! (перевод с французского)

¹⁶ Пошли! (перевод с французского)

– Софи, тебе не кажется, что ты немного сдвинута на этой почве?

– А что в этом плохого? – невозмутимо отозвалась подруга.

Софи вдруг резко остановилась и выпустила мою руку.

– Eh, merde!¹⁷ – Закричала она. – Мерзавцы!

– Что случилось?

– Порезали! – Она начала шарить в своей огромной сумке. – Eh, voilà!¹⁸ Нет кошелька и Nokia пропала. Совсем новая. Черт! Черт! Черт! – Софи бросила сумку на тротуар, уселась рядом и спрятала голову в коленях.

– Ну перестань, – я присела на корточки рядом. – Может быть, еще проверишь? Твоя сумка, как черная дыра. В ней не первый раз пропадают вещи.

Софи еще раз залезла в сумку и принялась выкладывать на камни мостовой ее содержимое. Выудив фотоаппарат, она многозначительно посмотрела на меня. Нашла косметичку.

– Ну хоть ее не украли, – проворчала Софи, доставая оттуда паспорт и личное удостоверение. – Придется звонить в банк и блокировать карточки!

– Не переживай, у меня достаточно денег. Протянем как-нибудь, пока все не уладится. Тем более, мои скоро приедут.

Подруга посмотрела на меня глазами грустного котенка и хлюпнула носом.

– В кошельке был талон на двадцатипроцентную скидку в Zara¹⁹. Я как раз присмотрела себе там юбку! Что я теперь скажу родителям? – запричитала Софи, поднимаясь с тротуара и отряхивая джинсы. – Они не поверят, что меня обокрали. Подумают, я напилась до беспамятства и потеряла кошелек и телефон.

– Ну с чего бы им так думать? – Я поправила ей волосы, и мы зашагали к метро.

– Потому, что в прошлый раз именно так я их и потеряла. Меня предупреждали, на мосту надо быть внимательной. Не заглядываться по сторонам. Мне говорили, что здесь полно карманников. И все из-за этого музыканта! А он симпатичный, да?

Я только покачала головой в ответ.

Как я завидовала ее способности легко отпускать неприятные моменты.

– И не просто симпатичный, он прямо жуть какой красивый! Я бы с ним замутила, не будь он психом.

– Почему ты так думаешь?

– А ты видела его глаза?

– Что не так с его глазами?

– Они у него фиолетовые! Или нет! Как называется этот цвет? – Она остановилась и посмотрела на меня. – Такой ядовито синий.

– Ультрамарин?..

– Точно! Никогда таких не видела.

– Ты уверена, что глаза у этого парня были цвета ультрамарина?

– Э-э?

– Скажи, ты уверена? Ты точно видела?

– Ну, не знаю, – она остановилась. – Ннаврное, все-таки показалось. Таких глаз не бывает. Может, солнце так упало?

– Мне надо вернуться!

– Что? Куда?

Софи схватила меня за руку.

– Мне нужно вернуться на мост!

¹⁷ Дерьмо! (перевод с французского)

¹⁸ Ну вот! (перевод с французского)

¹⁹ Сеть магазинов одежды.

– Зачем?

– Я должна еще раз увидеть этого парня.

Вдруг это он!

– Ты сдурела?! Чтобы меня там еще раз ограбили? И потом, мы совсем опоздали, – она вскинула руку, показывая на часы.

– Нет, ты иди, а мне нужно вернуться.

– Eh, merde! Ну как я тебя оставлю? Пошли искать твоего сумасшедшего.

Я помчалась назад. Софи еле поспевала за мной.

На мосту странного музыканта уже не было. Его место занял продавец с лотком бижутерии.

Глава 4

В зале библиотеки пахло пылью. Воздух был абсолютно неподвижен, как будто время в этом огромном помещении остановилось так давно, что никто уже и не вспомнит, когда. Потемневшие корешки фолиантов слились в монолит. Книги растворились сами в себе. Старая библиотека напоминала богато украшенный, вызолоченный изнутри склеп, где вечным сном спят книги.

Нашу сбитую группу провели в глубь помещения, шагов на двадцать-тридцать. Дальше идти не разрешалось. Лучи света из редких окон прорезали мутное пространство. Чудилось, стоит их задеть, сработает сигнализация.

Матеаш торжественно пробормотал задание. Мы расселись на раскладные стулья и принялись рисовать, кто сводчатый потолок, кто старинную лестницу ко второму ярусу стеллажей, кто длинную перспективу полок с деревянными спиральными колоннами.

– Нади, дай мне точилку, я свою потеряла, – попросила Софи.

Вечно она все теряла, а к вещам относилась, «как к вещам». Вчера, выронив мою любимую ручку из окна, она заявила: «А, забей! Это ж не твой друг, а всего лишь ручка.»

А если они и вправду мои друзья?... Ну как ей объяснишь?

Я нехотя порылась в пенале.

– Держи. Только верни потом, у меня больше нет.

– Зануда.

Софи старательно крутила карандаш в точилке.

– Ты соришь, – зашептала я.

– Да и ладно, – отмахнулась Софи.

– Ты знаешь, сколько этому полу лет?

– Не знаю и знать не хочу!

Она взялась за новый карандаш. Стружка опять полетела на пол.

– А я тебе сейчас скажу.

Я отложила альбом, нашла в сумке рекламную брошюрку.

– Клементинум – комплекс барочных зданий... бла-бла-бла... Где это было? А вот: Библиотека в барочном стиле создана в 1722 году. То есть ты мусоришь на пол, которому почти триста лет! Этот пол даже туристы не топчут.

– Зануда, – повторила Софи, но все-таки начала собирать очистки. – И куда их теперь?

– Давай сюда, я все равно в туалет собиралась.

Софи высыпала мусор мне на ладонь. Я встала и тихонько направилась к выходу.

– Нади, – я оглянулась. – Принеси чего-нибудь попить.

– Здесь пить нельзя!

Вдруг я наткнулась на что-то спиной. Я резко повернулась и увидела огромный глобус. Тот пошатнулся, накренился и начал падать. Я схватилась за раму и попыталась его удержать, но он был слишком тяжелый. На счастье подоспел Зигги. Вдвоем мы кое-как водрузили глобус на место.

– Спасибо, Зигги! – выдохнула я.

У нас обоих дрожали руки.

– А знаешь, сколько ему лет? – послышался издевательский голос Софи. – А я тебе скажу. Небесный Глобус 1725 года... бла-бла-бла.

– Ты так оригинальна!

– Мусор подбери!

Я только махнула рукой.

Надо же было чуть не раздолбать старинный глобус!

Сердце разогналось так, что в ушах забарабанило. Щеки горели, руки, холодные и липкие, все еще дрожали, а в туалет резко расхотелось.

Из мрака библиотеки я вышла в небольшой светлый холл и только там перевела дух. Здесь, в украшенной фресками комнатке, около часа назад наша группа ждала позволения войти в старинную библиотеку, чтобы порисовать интерьер. Матеаш сто раз повторил, чтобы мы ничего не трогали. А провожатый прочитал целую лекцию о дорогом Вишеградском Кодексе – большой потертой книге, застрахованной аж на целый миллиард крон.

Я подошла к стенду и взглянула на реплику книженции ценой в пару моих почек.

Талмуд уставился на меня разворотом с изображением судного дня.

Ничего так... Картинки веселенькие, хотя готику никогда не любила.

Сейчас в маленькой зале никого не было. В луче света плясали пылинки. Хотелось вдохнуть свежего воздуха. Я направилась к окну в стенной нише, с силой нажала ручку резной проржавевшей щекотки. Та скрипнула, но поддавалась.

Наверняка это запрещено. Ведь здесь все древнее и застрахованное. Может даже эта щекотка.

Какой смысл во всех этих вещах и книгах, если нельзя потрогать, разглядеть, прочесть?..

Я чуть приоткрыла окно и вдохнула прохладный уличный воздух.

Внизу, во дворе люди в форменных футболках возили на тележках телевизионное оборудование. Это из-за них все перегородили. Документалку снимают про свою реликвию.

Вдруг послышались шаги. Я поежилась. Сейчас придется извиняться за открытое окно. Я выглянула из своего укрытия и увидела мужчину в белом халате и матерчатых перчатках. Он привез на тележке продолговатую серую коробку и остановился спиной ко мне.

Мужчина раскрыл коробку, достал большой талмуд в красно-зеленом переплете и отложил в сторону. Потом подошел к ограждению, снял с подставки копию Вишеградского Кодекса, вернулся к тележке и начал укладывать книгу в освободившуюся коробку.

Я решила, что прятаться и наблюдать исподтишка некрасиво. Пора было как-то проявить себя. Все равно он заметит.

– Извините, – сказала я по-английски и сделала шаг вперед, – я тут окно открывала.

Библиотекарь, только что упаковавший копию чудо-рукописи в коробку, успел взять второй талмуд. Услышав меня, он вздрогнул и обернулся.

– Извините пожалуйста, я вас пугать не хотела. Я тут просто решила подышать...

Неожиданно мужчина уронил книгу. Та глухо шваркнулась об пол и раскрылась на живописной картинке с ангелами.

Станный библиотекарь дико пялился на меня, словно я была восставшим мертвецом.

– Извините... – еще раз пролепетала я и невольно начала отряхиваться.

Да что не так-то?

Вдруг черты лица мужчины смягчились, потеряли выразительность и начали оплывать, словно были сделаны из воска. Я видела такое лишь однажды...

– Как... Ты? – услышала я свой дрожащий голос.

Его лицо вмиг стало нормальным. Ультрамариновые глаза посветлели. Он поднял книгу, бережно положил ее на постамент, схватил свою тележку и покатил в сторону лифта.

– Это ты, я знаю, – прошептала я.

Он остановился.

– Встретимся в шесть под конем в Луцерне, – сказал он, не оборачиваясь.

Зашумел лифт, и его не стало.

Я опустилась на пол.

Глава 5

Я очень боялась опоздать. Так оно и случилось. Зашла совсем не в тот пассаж. Запуталась в галереях и переходах. Меня начало мутить от напряжения. Уже десять минут, как я должна быть на месте. Он уйдет, не дожидаясь!

Я бросилась назад и, наконец, увидела светящуюся надпись пассажа «Lucerna»²⁰. Кинулась под арку вперед по галерее. Вот он, висящий вверх тормашками конь с вывалившимся языком и нелепым всадником сверху. Все, как описывала Софи.

Но его здесь нет! Нет! Опоздала! Глаза заволокло слезами. Я осела на ступеньки и прижалась лбом к круглой колонне.

Но что же это я? Может, он еще где-то рядом?

Я вскочила и зашагала вперед по галерее, вглядываясь в лица людей из кафе. Дошла до конца и повернула назад.

Он стоял на углу, привалившись спиной к стене. Руки скрещены на груди. Губы сжаты. Глаз не видно за длинной челкой. Все то время, что я металась по галерее, он безразлично наблюдал.

– Идем, – сказал он без приветствий и стремительным шагом направился к выходу из пассажа.

Мы выскочили на улицу. Я чуть не попала под трамвай, стараясь поспевать за ним. Он не обратил внимания и нырнул под соседнюю арку.

– Куда мы? Не спеши так сильно.

– Здесь близко, – буркнул он.

Мы промчались мимо кинотеатра и кафе с мороженым. Слетели по короткой лестнице, свернули и оказались в сквере. Удушливо пахло розами.

– Туда, – он махнул рукой в дальний угол, где возле стены росли густые туи.

Мы остановились.

– Как ты оказалась в библиотеке? Клементинум сегодня закрыт для посетителей.

– Я была с группой студентов из архитектурной школы. Я...

– Понятно. Я пришел только, чтобы сказать: ты должна обо всем забыть. Ты никого не встречала и не видела ничего подозрительного. Вышла на пару минут подышать свежим воздухом, потом вернулась к своим и точка.

– Я так рада, что нашла тебя...

– Что?!

– Я тебя нашла...

– Бред! – выпалил он. – О чем ты?! Она меня нашла? Ха!..

Он обошел меня кругом.

– Посмотрите на нее! Она меня нашла... – Он вымученно засмеялся.

– Прости...

– Да плевать! Плевать! – Он подошел так близко, что я почувствовала его быстрое дыхание. – Вали и не возвращайся больше. Сегодняшнего дня не было.

– Нет, это не ты говоришь сейчас, – я попыталась взять его за руку.

Он отдернулся:

– Ты меня никогда не видела.

– Но я не выживу без тебя!

– А мне плевать, – прошипел он и зашагал прочь.

²⁰ Пассаж «Lucerna» – Самый известный пассаж в центре Праги находится во дворце Люцерна. Пассаж стал домом для целой сети магазинов и галерей, концертного зала, кинотеатра, многочисленных кафе и ресторанов.

Я не могла двинуться с места. А когда бросилась следом, он уже скрылся за поворотом.
– Вернись... – услышала я свой шепот, и голос сорвался.
Я зарыдала и осела на мостовую.

.....

Сегодня я осмелилась вновь попасть в зазеркалье. Я не видела другого способа до него достучаться.

Ничего!

Мой мир за отражением изменился до неузнаваемости. Как и в прошлый раз, выйдя за пределы стартового зеркала, я оказалась на вершине высоченной скалы посреди бушующего океана. Гигантские волны свирепо обрушивались на острые камни. Брызги ледяным водопадом обдавали с ног до головы. Молнии ломаными стрелами вспарывали небо, заставляя крошечный клочок суши под ногами биться в конвульсиях. Вокруг все гудело.

Я едва удерживалась на ногах. Ничего нельзя было разобрать в беснующейся стихии. В воздухе стояла зябкая летучая морось. Пришлось приложить все усилия, чтобы выбраться наружу.

Цепляясь за дверь, я ступила на осклизлые камни и вгляделась вдаль. Ничего, кроме бескрайнего черного океана и разъяренного полыхающего неба. Порыв колючего ветра сорвал с век злые слезы. Я закричала. Небо тут же отозвалось разлапистой молнией.

Вдруг взгляд уцепился за единственный статичный предмет в этом мире, где даже мысли подхватывало и уносило ветром. Она стояла в отдалении, поражая своей нестигаемой, несокрушимой стойкостью. Черная башня, прямая и ровная, как карандаш, выпирала из кипящей пучины. Стаи каких-то тварей кружили вокруг. Их вопли долетали и к скале. На вершине башни я различила слабое свечение.

Там, должно быть, дверь!

Глава 6

Мы с Софи сидели на кухне и завтракали. Есть по утрам я не привыкла, но Софи при всей своей беспечности очень серьезно относилась к приему пищи. Правильное питание, витаминки и даже умение самостоятельно приготовить что-то вкусное – это все про нее.

– Нади, когда приедут твои родители?

Я неловко поднесла кружку ко рту и пролила несколько капель кофе на пижаму.

– Им пришлось перенести поездку, – бросила я и принялась тереть коричневые пятна.

– А oui!²¹ Отлично! – Ради такой новости Софи перестала жевать. – А что случилось?

– Возникли проблемы с документами. Потеряли паспорта.

– Как кстати!

Это точно.

Я совершенно не хотела их видеть! А мама звонила каждый день и радостно предвкушала наше воссоединение. Ненавистная дата приближалась. Три дня, два дня, уже завтра...

Каждую ночь я выходила в отражение, но там все оставалось по-прежнему: одинокая скала посреди океана, недоступная черная башня вдалеке и свет на ее вершине то гаснет, то загорается вновь. Радовало лишь, что океан больше не бросался на меня с воем и шипением. Теперь он безразлично шумел где-то у подножия скалы.

Я мысленно пыталась проложить мост между моей скалой и башней, как это бывало раньше, но ничего не получалось. После упорных попыток на небе появлялись грозовые тучи, начинался холодный дождь, и приходилось убираться в реальный мир. Времени оставалось все меньше и меньше...

Однажды вечером, пока Софи не было, я опять вышла в зазеркалье. Казалось, ничего не изменилось, но вдруг я почувствовала, слабый свет внизу за выступом скалы. Рискую сверзиться в океан, я встала на четвереньки, уцепилась за скользкие камни и заглянула за выступ.

Дверь!

Я дернулась от радости. Что-то глухо хрустнуло, и рука провалилась в пропасть. Я потеряла равновесие и повалилась в образовавшуюся расщелину. Каким-то чудом плечо застряло в расщелине, и я повисла вниз головой прямо над дверью. Возле нее была площадка не более полуметра, а дальше бездна.

А если бы я упала, что тогда?

Проверять совсем не хотелось. Я медленно вскарабкалась назад, осторожно села и спустила ноги в провал. Самым трудным было уговорить себя прыгнуть на площадку у двери. Но мысль о том, что в любую минуту может вернуться Софи придавала решимости. Я прыгнула.

Чуть приоткрыв дверь, я сразу узнала родительскую спальню. Интересно, откуда в нашем доме взялось зеркало?

Родители готовились к путешествию. Посреди двуспальной кровати лежал разложенный чемодан. Мама поминутно входила и выходила из комнаты, принося и докладывая в чемодан вещи. На прикроватной тумбе лежали две бордовых книжечки.

Паспорта!

Я дождалась, когда мама в очередной раз выйдет, открыла дверь и вошла в отражение. Сразу попыталась схватить паспорта, но не тут-то было. Бестелесные пальцы нырнули сквозь документы прямо в тумбочку.

Гадство! Как это делается-то?

– Стас, ты уже зарядил видеокамеру? Ее можно положить в чемодан? – спросил мамин голос из соседней спальни.

²¹ Да! (перевод с французского).

– Да! – глухо отозвался отец с первого этажа.

– А где зарядка от твоего телефона?

Я судорожно билась над паспортами, пытаюсь ухватить хотя бы один.

– А, вот, нашла! – крикнула мама.

Ну давай же!

Я глубоко вздохнула и шумно выдохнула. Мать ходила совсем рядом за стенкой. Я слышала, как она открывает шкафы и двигает ящики.

Последняя попытка!

Я встряхнула руками, задержала дыхание и медленно потянулась к паспортам, мысленно представляя шероховатую поверхность обложки.

Буаля! Ну наконец-то!

Послышались приближающиеся шаги.

Я не нашла ничего лучшего, как кинуть паспорта в щель между стеной и комодом. Комод был старинный, тяжелый, мы ни разу не двигали его с места.

Надо срочно убираться! Как только родители обнаружит пропажу, наверняка наберут меня.

Я промаялась всю ночь, ожидая звонка, но телефон молчал. Совсем расстроившись, я отключилась к рассвету. Звонок раздался в шесть утра. Мама со слезами в голосе сообщила о пропаже паспортов. Поездка сорвалась. Я с трудом сдержала ликование.

Мама заверяла, что сегодня же отыщет документы (ведь деваться-то им некуда) и, возможно, уже завтра они сядут на самолет до Праги. Я сухо ответила, что не успела соскучиться, зевнула и положила трубку.

– Да у меня тоже с родителями не складывается, – вздохнула Софи и макнула рогалик в баночку с йогуртом. – Они вообще-то хорошие, я их люблю и все такое. Но мы слишком разные!

– Ага...

– Они – упертые католики. Каждое воскресенье норовят одеть меня в серый балахон и отвести на мессу. Музыка моя – это грех. Мальчики – это грех в квадрате. Они постоянно заставляют молиться и просить прощения за все подряд! Загробная жизнь, бла-бла-бла, все зачтется... Кто вообще знает, что там будет в загробной жизни? Может, там нет ничего!

– Вот это будет облом.

– Ну! Однажды я немного загуляла. Так они заставили целый день стоять на коленях и читать псалмы. Хорошо еще, что у меня в кармане плеер был...

– А мои – атеисты.

– Повезло тебе, – Софи опять вздохнула. – Блин!

– Что такое?

– Я превращаюсь в чешку!

– С чего это?

– Ем эти дурацкие роглики²² и, кажется, они мне нравятся больше круасанов. Я предательница!

– Да брось ты! – я отмахнулась. – Это временно.

– А хочешь новость? – Софи живо работала челюстями.

– Надеюсь хорошую?

– Ну как сказать... Вчера, пока ты где-то шлялась, мне стало скучно, и я пошла в TV-room²³. Думала, вдруг познакомлюсь с каким-нибудь симпатичным чехом.

– И как успехи?

²² Булка в виде рожка, рогалик.

²³ Теле-зал.

– Да никак! И вообще я о другом. Так вот, в TV-goot пара девчонок, чешек, новости смотрели. И как раз библиотеку показывали. Я попросила перевести, о чем говорят. Представляешь, украли Вышеградский Кодекс!

– Украли что?

– Ну тот самый дорогой в Чехии талмуд. Помнишь, нам библиотекарь рассказывал? Я отставила в сторону чашку.

– Это про который кино снимали? – спросила я для верности, хотя сразу догадалась, о чем речь.

– Да, точно! В новостях сказали: «кража века»!

По спине пробежал озноб.

– Но он же в специальном хранилище, разве нет? Там сигнализация и все такое...

– Так его подменили!

– Что?!

– После съемок кодекс должны были вернуть в хранилище. Но ответственный библиотекарь отнес книгу туда, где хранилась копия и подменил ее оригиналом. И самое прикольное, знаешь, что? Мы как раз в это время рисовали по соседству! Представляешь?! Мы видели эту копию. Марио еще полез ее лапаты, – Софи начала трясти меня за рукав пижамы. – Этот тип подменил копию оригиналом, и никто не заметил! Оригинал пролежал у всех на виду пару дней. А позавчера, во время экскурсии, копию, то есть на самом деле оригинал, украли! Еh, voilà!

Я перестала понимать, о чем она говорит. Завтрак запросился наружу.

– Ты в порядке?

– Живот скрутило... – простонала я.

– О! У меня есть отличные таблетки как раз от этого самого. Сейчас принесу, – Софи бросила салфетку и вышла из кухни.

Это он, никаких сомнений! Он украл самую дорогую книгу в Чехии. Грабитель? Во что он вляпался?

«Ты никого не встречала и не видела ничего подозрительного.»

Софи вернулась и протянула красную пилюлю.

– Вот, извини, у меня только одна, и та красная.

Мне было не до шуток.

– А как украли? – выдохнула я и взяла капсулу.

– Позавчера, во время последней экскурсии какой-то парень взял книгу, положил в рюкзак и вынес. Все заснято на камеру наблюдения.

– Его не задержали? – спросила я с замиранием.

– Нет! Никто даже внимания не обратил, представляешь!? – Софи размахивала ножом прямо перед моим носом.

– А как выглядел этот парень?

– Лицо в камеру не попало. Он был в кепке с длинным козырьком и шарф до ушей. По телику сказали, особых примет нет. Его и вспомнить толком никто не может. Фоторобот даже не составили, представляешь? – Нож полетел на пол. – Вот тебе и безопасность! Думают, кто-то из своих украл. – Закончила Софи из-под стола.

Я запихала в рот пилюлю и запила кофе.

– Но как подменили-то?

И зачем я спрашиваю? Разве не знаю?

– Про это много не говорили. Сказали только, что подмену тоже засняли и теперь допрашивают свидетелей.

Боже! Кого они допрашивают, если единственный свидетель – я?

Глава 7

Больше всего хотелось запереться в комнате и даже носа в коридор не показывать. Но не прийти на занятия значило бы навлечь на себя лишние подозрения. Может, все-таки не опознают...

Гадство! Ведь из-за съемок в Клементинуме не было посторонних. А возле старой библиотеки находилась лишь наша группа.

Как только полиция не пришла за мной еще вчера?

Я все-таки собралась и поехала на утренние лекции вместе с Софи.

И точно! Возле аудитории, подперев спиной подоконник, стоял мужчина. Он внимательно вглядывался в лица проходящих мимо студентов, время от времени сверяясь с бумажкой в руках. Заметив меня, он поднял бровь и довольно хмыкнул.

– Добрый дэн, – сказал он по-чешски. Потом перешел на английский. – Меня зовут Томаш Войтишек. Я следователь чешской прокуратуры, – он вытащил из внутреннего кармана куртки корочки и протянул мне.

Мог бы и не представляться. Вид у следователя был вполне протокольный: одет неприметно в короткую коричневую куртку и темные брюки, стрижка – ёжик, и серые круги под глазами.

– Я бы хотел с вами поговорить, если позволите, – обращался следователь исключительно ко мне.

– А в чем дело? – встрепелась Софи.

– Вы можете идти, вас это не касается.

Софи с недовольным видом направилась в аудиторию.

– Если что, зови, – шепнула она мне.

Я кивнула.

– Давайте отойдем в сторонку. Сюда, пожалуйста.

Мы вошли в соседнюю пустую аудиторию. Следователь уселся за первую парту, достал маленький блокнот и ручку. Я осталась стоять, волнуясь, как у зубного.

– Как вас зовут и гражданкой какой страны вы являетесь?

– Надина Серова. Я из Бельгии.

Следователь сделал запись.

– У вас славянский акцент. И имя не бельгийское...

– Мы с семьей эмигрировали из России три года назад. С тех пор там не бывали.

Он опять чиркнул в блокноте.

– Ваш родной язык русский?

– Да.

– Тогда можем говорить русский.²⁴

Все звуки у него выходили твердо, неестественно.

– Я в школе учил и на универзите²⁵ тоже. Тогда всех заставляли. Вам не мешает?

– Нет, пожалуйста.

– Сколько е вам лет?

– Семнадцать.

Следователь разочарованно хмыкнул.

– Мы только немного поговорим, неофициально... Не знаете, почему я с вами говорю?

²⁴ Здесь и далее до конца главы в диалоге эмитированы типичные ошибки человека, родным языком которого является чешский.

²⁵ В университете.

– Нет.

Только бы не покраснеть сейчас. Надо держать себя в руках! Я ничего не знаю!

– А новости не смотрите?

– Я почти не понимаю чешского, и телевизора у нас нет.

– Но так²⁶, – следователь вздохнул и поскреб висок концом авторучки. – Имею здесь фотку з системы наблюдения в Клементинуме. Посмотрите просим²⁷. Вы узнаете?

Я взглянула на распечатку. Мутная черно-белая фотография с обычного принтера, но узнать меня можно. Схвачен как раз тот момент, когда я дико тарашусь на парня в белом халате. На него...

– Да, это я.

– Добрже²⁸. Тогда расскажите то в порядке²⁹, что вы делали в Клементинуме?

Следователь быстро постукивал кончиком авторучки по столешнице. На тыльной стороне его ладони, виднелись несколько шрамов, и не хватало одной фаланги указательного пальца. Мой взгляд так и приклеился к изуродованной руке.

– Мы рисовали библиотеку с нашей группой. Тут на фотографии я как раз вышла в соседний зал, чтобы подышать свежим воздухом. В библиотеке воздух спертый. В общем, я окно открыла, а тут как раз библиотекарь пришел.

– Почему то так разрешили³⁰, же то был библиотекарь?

– Э... почему библиотекарь? Ну он был в белом халате и в перчатках. Потом он книгу привез на тележке. Он меня не заметил сначала.

– Знаете того человека, библиотекаря? Вы разговаривали с ним.

– Нет... – внутри все задрожало, и распечатка заплясала в руках. Я поспешила убрать руки за спину. – Я только извинилась, что окно открыла. Это ведь, наверное, не разрешается...

– Что вас так напугало, удивило?

Кажется, я все-таки покраснела.

– Я... Я просто... Я думала, он ругаться будет.

– Что-то он вам сказал?

– Да ничего. Он не возражал... ну, что я окно открыла. Потом просто ушел.

– Как он выглядел?

– Да я и не помню уже... Мм... Волосы светлые, русые. Высокий. Ничего особенного. Следователь опять скривил губы и поскреб висок обрубком пальца.

– Но добрже³¹. Сколько вы еще останетесь в Праге?

– До конца августа.

– Угу... Ваши родиче приедут?

– Родители? Да, собираются.

– Они должны приехать скоро.

Это вопрос?

– Мы должны официально допросить вас в присутствии родителей. Они должны приехать на этой неделе. Здесь напишите ваш адрес а³² телефон, – он вырвал из блокнота листок и протянул мне вместе с ручкой. – Я пришлю вам волани. Как это? Приглашение на допрос.

– А что случилось?

²⁶ «Но так» – в данном случае имеется в виду «хорошо».

²⁷ «Просим» – в данном случае имеется в виду «пожалуйста».

²⁸ Хорошо (перевод с чешского).

²⁹ «Расскажите то в порядке» – в данном случае имеется в виду «расскажите по порядку»

³⁰ «Разрешили» – имеется в виду «решили».

³¹ Хорошо (перевод с чешского).

³² «А» – здесь имеется в виду «и».

– Случилось серьезное преступление, а вы свидетель. Вот мой телефон. Позвоните, если еще нецо³³ вспомните.

Следователь встал и протянул мне визитку.

– Спасибо. До свидания.

Я вернулась в группу. Софи тут же накинулась с расспросами. Я так нервничала, что не смогла скрыть от нее практически ничего. Софи слушала с выпученными глазами.

– Круть! – выпалила она.

– Что же тут хорошего?

– Ты будешь участвовать в расследовании грандиозного преступления!

Скорее, меня сочтут соучастником...

– Тебе нужно вспомнить каждую деталь! Все может иметь значение, – не унималась Софи, ерзая на стуле. – Вдруг устроят очную ставку, и ты должна будешь опознать того бандита? Как интересно!

Сердце заколотилось так, что меня замутило.

А если его поймают, если меня заставят его опознать?..

– И почему я не послушалась тебя?! – воскликнула вдруг Софи почти в голос. Преподаватель опять нахмурился, но злиться на симпатичную рыженькую было, похоже, выше его сил.

– Что? – переспросила я тихо.

– Мне нужно было самой пойти и выкинуть мусор... Чертовы карандашные очистки! Я могла бы поймать вора на месте преступления!

Все! Больше не могу!

Ноги сами вынесли из класса. Три пролета лестницы пронеслись мимо, и я уже шагала по улице, сама не зная куда.

Я пропустила все занятия и вернулась домой только к вечеру. Софи распахнула дверь, стоило мне заскрестить ключом в замочной скважине.

– Где ты была целый день?

– Софи, я устала...

– Я вижу, с тобой что-то происходит. Ты сама не своя.

– Со мной все в порядке.

Я попыталась протиснуться в комнату, но подруга не пускала.

– Нет, нет... Ты, как камера хранения, в которую запихали слишком много вещей. Дверца уже не закрывается.

– Боже! Это что значит?

– Надо освободить место. Надо довериться кому-то... Иначе все вывалится в самый неподходящий момент.

– Тебе бы книжки писать, Софи.

– Не расскажешь значит?

– Не сегодня. Дай мне пройти. Хочу прилечь.

Она пропустила меня.

– Твоя мама звонила пять раз.

– Что хотела?

– Сказала, что паспорта нашлись, и они вылетают завтра первым рейсом.

³³ Еще что-то (перевод с чешского).

Глава 8

Значит, сегодня последняя ночь, когда я могу попытаться построить мост к черной башне.

Как обычно, я дождалась, когда Софи затихнет, проскользнула в коридор и вошла в отражение.

Куда я попала? Ни моей скалы, ни моря у подножья, ни черной башни вдалеке... Где башня!?

Под ногами плоские выщербленные камни брусчатки. Вокруг непроглядный молочный туман. Силясь разглядеть хоть что-нибудь, я пошла вперед. Мало помалу туман начал редеть, и я различила высокую арку темной готической постройки. Арка вела на мост. Я тут же узнала его. Это Карлов мост в Праге.

Не успела я миновать проход, как ноги сами понесли. Строгие статуи по сторонам моста провожали черными пустыми глазницами, грозили крестами и епископскими посохами. Чайки скакали по перилам, били крыльями и жалобно кричали. Было слышно, как Влтава мечется и стонет в тесных арках внизу под мостом. Мне стало жутко, но ноги тащили все дальше и дальше.

Я остановилась только на середине моста. В нише, между двумя статуями, пряталась темная фигура в диковинном плаще. Густая тень от капюшона смазывала черты его лица. Таинственный незнакомец сидел, широко расставив колени, сжимая одной рукой гриф виолончели, а другой – растрепанный смычок. Заметив меня, он занес смычок над инструментом и замер.

– Кто вы? – спросила я.

Узловатые пальцы сжали гриф, смычок коснулся струн, и в протяжном звуке я различила: «БОЛЬБОЛЬБОЛЬБОЛЬ...»

– Послушайте, мне нужно отыскать черную башню...

Смычок опять коснулся струн и виолончель простонала: «ПРОСТИПРОСТИПРОСТИ...»

Вдруг стало очень холодно. Я задрожала всем телом. Хотелось бежать, но ноги будто приросли к земле. А фигура в плаще продолжала терзать инструмент, извлекая из него мольбы о прощении.

– Я прощаю, прощаю! – завизжала я, зажимая уши ладонями.

Музыкант отбросил инструмент и смычок в сторону. Голова его чуть приподнялась, и из-под капюшона показались бескровные синеватые губы. Человек тяжело выдохнул, будто выталкивал из легких не воздух, а смолу. Он гортанно прохрипел: «СЕБЯ ПРОСТИ!» Из провала его беззубого рта на меня бросилось полчище черных тварей. Они хлопали крыльями и били по щекам острыми коготками. Я вскинула руки, пытаюсь защититься, зажмурилась и вдруг почувствовала, что лечу куда-то вниз.

Внезапно все закончилось. Я открыла глаза и увидела Софи. Она склонилась надо мной, придерживая мою голову.

– Вот это нихрена себе! – выпалила Софи по-русски.

– Софи?..

– Это что сейчас было?! – Софи разжала ладони, и я стукнулась затылком об пол. Подруга вскочила и принялась ощупывать зеркало. – Нади, оно выгнулось к тебе! – Софи посмотрела на меня выпученными глазами. – Merde! Merde!

Я, покачиваясь, встала и поймала ее за руку.

– Софи, перестань...

Подруга затравленно пискнула:

– Я не чокнулась... Я видела... – она закивала.

– Да-да, ты видела, – ее руки дрожали. – Я тоже видела. Я тебе все объясню. Только успокойся. Пойдем.

Я повела ее в комнату.

.....

Я все рассказала Софи. Теперь она знала о людях-зеркала, энергетических вампирах, ограбленном банке, а заодно и о том, кто и как украл Вышеградский Кодекс.

Мы просидели до утра. Софи в очередной раз покачала головой.

– Ты весь мой мир перевернула! И как теперь жить с такими знаниями?

Она поплелась к кровати, плюхнулась лицом в подушку.

– Покажешь вампира, если встретим на улице? – пробурчала она.

– Софи! Ну что ты говоришь? После всего, что я рассказала, тебя именно это больше всего волнует?

– Я так хочу посмотреть хоть на одного настоящего вампира!

И что она за человек?

– Я же объясняла, они внешне ничем не отличаются от людей. Нужно наблюдать...

– Теперь я буду на всех пялиться! Слушай, не пойму, как они все-таки этой энергией питаются?

– Софи, давай хоть немного поспим.

– Если бы у меня парень был вампиром, я бы все узнала в самых мельчайших деталях! Тебе не интересно было что ли?

– Он не рассказывал. А когда я узнала, возможности порасспрашивать уже не представилось.

Я легла и отвернулась к стенке.

– Ты не поедешь встречать родителей?

– Нет. Сами как-нибудь доберутся.

– Как хочешь. Я постараюсь уснуть. Хотя какой сон после такого...

Она спала уже через пять минут.

Какая она сильная! Почему я не такая? Будь Софи на моем месте, она бы никому не позволила отнять то, что ей дорого. Она была бы тайфуном, которому бесполезно сопротивляться. А я всего лишь сквозняком... Я так легко отказалась от *него*.

«Себя прости» – так сказал тот человек. Кто он? И мост, и ожившие статуи? Я никогда не видела ничего подобного в зазеркалье. Как получилось незаметно миновать отражение и дверь? Нужно вернуться и проверить, действительно ли я видела то, что видела. Но главное, я должна убедиться, что черная башня на месте. Ведь я знаю, он там! Мне только нужно найти способ добраться к ней.

Послышался стук в дверь.

Часы в коридоре показывали девять тридцать утра. Я отперла.

– А мы с папой сразу к тебе.

Так я и думала... Явились, не запылились!

Отец держал ручку маленького чемодана, какой обычно берут в ручную кладь. Непохоже, чтобы они планировали провести в Праге два месяца, как обещали.

– А мы спим, – ответила я без приветствий. Приглашения войти они не дождутся.

– У вас сегодня нет занятий? – заискивающе поинтересовалась мама.

– Есть.

Она поджала губы.

– Я думала, ты нас встретишь... Софи не передала номер рейса и время?

– Передала.

– Надя, в чем дело? – подал голос отец.

– В вас. Разве не понятно?

– Мы устали с дороги, – вздохнула мама примирительно и слащаво. Она попыталась протиснуться в прихожую. – Наденька, давай чайку попьем... – она осеклась, увидев в коридоре зеркало в полный рост. Ее лицо тут же приобрело жесткое выражение, которое я хорошо знала. Вот она настоящая.

– А ну-ка, дай пройти, – приказала она.

– Нет! Вам здесь делать нечего. Отправляйтесь в свой отель и там хозяйничайте!

Но мать отпихнула меня и вошла.

– Стас, – крикнула она отцу, – не стой столбом! Посторожи возле зеркала, пока я буду собирать вещи.

Проснувшись Софи, вылезла из кровати и мутным взглядом обвела присутствующих.

– Привет, – сказала она по-русски, – как дела?

– Добрый день, Софи, – ответила мама на ломаном французском. – Боюсь, что Надина возвращается в Льеж.

– С чего это вдруг? Я никуда не еду.

– С того, что ты не выполнила обещание! – взвизгнула мама. – С того, что ты ведешь себя вызывающе, пропускаешь занятия, из-за которых ты, собственно, здесь! Ты едешь домой!

Отец стоял в проходе, угрюмо разглядывая что-то за окном.

– Я не могу вернуться, – решительно возразила я по-французски. – Мне запретили.

– Здесь только я могу что-то запрещать! – мама бешено сверкала глазами.

– Полиция запретила.

Мама замерла.

– Что ты говоришь?!

– Я свидетель преступления.

Отец, наконец, удостоил меня недоуменным взглядом.

Подошла Софи и начала выуживать из чемодана свои вещи.

– Ее вчера допрашивали, – мимоходом бросила подруга.

Неожиданно в дверь постучали. Служащий с рецепции попросил спуститься вниз, чтобы расписаться в бланке получения заказного письма.

Глава 9

Когда я вернулась, мама сидела за столом и утирала платком глаза. Отец, еще более угрюмый и мрачный, все разглядывал что-то за окном. Софи с папкой для рисунков на плече шепнула, что убегает на лекции, и скрылась за дверью. Вот бы и мне так...

Занятые поиском паспортов, родители пропустили главную новость недели, взволновавшую всю Европу.

– То есть ты видела вора? – сказал отец после моего краткого пересказа. Он старательно растирал лоб, оставляя на нем красные полосы. Делал он так исключительно в моменты полной растерянности.

– Да я сама толком не поняла. Он подменил книгу, ну а я...

– Ты его запомнила?

– Не так чтобы очень... Вроде бы сотрудник архива. Белый халат там, перчатки...

– Надя, тебя даже на день оставить нельзя без присмотра! – мать, как всегда, в своем репертуаре.

– Анастасия, давай не будем... В чем она, собственно, виновата?

Отец покрутил в руке повестку, предписывающую мне явиться в полицию сегодня в 14:00. Он шумно выдохнул.

Стало жаль его. Он всегда был слабее и чувствительнее мамы и всегда относился ко мне с куда большим пониманием. Мать хоть и плакала по любому поводу, но я давно поняла, слезы – всего лишь средство манипуляции. Своими слезами она уже никого не растрогает.

– Ты уходила в отражение? – опять набросилась на меня мать.

– Я здесь и со мной все хорошо. Что еще тебе надо?

Как же она достала!

– Что?! Это не ответ!

– Анастасия, сейчас есть проблемы посерьезнее. Надя, собирайся. Пора ехать в полицию.

Мы взяли такси. Мама всю дорогу хватала меня за руку, будто опасаясь, что я убегу.

.....

В допросной пахло канцелярской пылью и потом. Из угла угрюмо пялился телевизор, рядом раскорячилась тренога с видеокамерой. Я все никак не могла оторвать взгляда от наручников, привинченных к холодному столу. Волной накатила тревога.

Родители тоже были в замешательстве. Мама поинтересовалась у проводившей нас дамы в форме, возможно ли побеседовать в более спокойной обстановке. Та велела располагаться и ожидать следователя.

Мы с мамой присели на жесткие стулья. Отец нервно прохаживался вдоль зеркального окна, бросая недобрые взгляды своему отражению.

Минут через пятнадцать в комнату вошел тот самый следователь с изуродованной рукой.

– Здравствуйте, – он деловито положил на стол папку с видеокассетой и направился настраивать видеокамеру.

Сердце бухало так громко, что я опасалась, как бы следователь не услышал этот грохот.

– Мы должны снимать допрос, – пояснил следователь.

Он повернулся к видеокамере, зачитал с бумажки какой-то текст на чешском.

Задрожали руки. Мама схватила мои пальцы и сжала. Захотелось броситься ей на шею и спрятать голову на груди, как бывало в детстве.

Начался допрос. Следователь задавал те же вопросы, что и вчера. Я немного приободрилась и на этот раз отвечала без запинок.

– Вы утверждаете, что не знаете этого человека. Библиотекаря. Е то так?³⁴

– Да, я просто извинилась, что самовольно открыла окно.

– Добрже. Давайте посмотрим видеозапись.

Следователь подвинул поближе тележку с телевизором, вставил кассету в плеер, промотал видео и остановил как раз в тот момент, когда на экране появился молодой мужчина в белом халате и матерчатых перчатках. Мужчина вытаскивал из коробки книгу. Сердце ёкнуло.

– Вы утверждаете, что не знаете этого мужа... мужчину?

– Нет, – выдохнула я, не узнавая собственного голоса.

– Я здесь имею заключение эксперта, который читает по губам – следователь покопался в папке и достал какой-то документ, – он утверждает, что вы сказали по-русски: «Это ты, я знаю».

Я захлопала глазами. Но тут за меня вступилась мама.

– Это что за эксперты у вас такие? Может, они и мысли читать умеют?

Следователь сдвинул брови.

– Посмотрите внимательно на фотографию, – он протянул снимок. – Здесь тот мужчина, которого вы видели в Клементинуме?

– Да, это он, – отозвалась я.

– Это во правду сотрудник библиотеки. Але...³⁵ Хочу еште нецо вам указать³⁶, – следователь перемотал пленку на начало. – Вот, посмотрите, он идет по коридору, везет книгу в хранилище. Теперь се подивейте на его ноги.

– Что не так с ногами? – отец приблизился вплотную к экрану.

– Смотрите дальше. Другая камера. Прошло несколько секунд. Не замечаете?

– Тот же самый парень везет тележку.

– Ано! Але!³⁷ Посмотрите на ноги.

Отец уставился на следователя.

– Обувь...

– Кеды.

– Ано, пресне так!³⁸ Когда он успел переодеться? Только что был в ботах, а теперь... как вы сказали? Кеды... Как объясните?

Мы молчали.

– Я думаю, это другой человек, – заключил следователь.

Родители переглянулись и, перебивая друг друга, начали кричать, что это работа полиции искать воров, а «бедная девочка» к этому никакого отношения не имеет. Следователь молчал.

– Допрос окончен, – сказал он. – У меня есть основания полагать, что вы покрываете преступника. Поэтому вы будете задержаны. Надина Серова, вы имеете право хранить молчание. Советую найти адвоката.

Что тут началось! Мама плакала и умоляла, отец хмурился и что-то доказывал. Я же настолько потерялась, что не могла разобрать ни слова, как будто выключили звук. Сидела и изучала свое бледное, осунувшееся лицо в окне для наблюдений.

Родители и следователь пошли на выход. Я уловила только, что опекуны должны подписать какие-то бумаги, а мне следует ожидать в допросной. Замок щелкнул. Стало тихо.

Я встала и подошла к окну. Есть там кто-нибудь в смежной комнате? Наблюдают ли за мной? Да какая разница...

³⁴ Это так? (перевод с чешского).

³⁵ Но... (перевод с чешского)

³⁶ Кое-что вам показать (перевод с чешского).

³⁷ Да! Но! (перевод с чешского).

³⁸ Да, именно так! (перевод с чешского).

Я дотронулась до зеркальной поверхности. Она мягко поддалась, рука провалилась в отражение. Тогда я подтащила к окну стул, забралась с ногами так, чтобы отразиться целиком, и прыгнула в отражение. Мое тело в реальном мире грузно повалилось на пол.

Родители догадаются, а большего и не надо. По крайней мере, за стартовое зеркало теперь можно не опасаться.

Глава 10

Прошло пара часов. За это время погода менялась несколько раз. То неизвестно откуда набегали тучи, и океан под скалой начинал стонать, то опять становилось светло и спокойно.

А я все думала о нем. Прокручивала пленку памяти...

Впервые я увидела его на школьном дворе и сразу занесла в категорию самовлюбленных мерзавцев. Кривая полуулыбка, нахальный прищур и смазливая внешность, на которой обычно и заканчиваются достоинства таких, как он.

Новый одноклассник не заинтересовал. Его посадили рядом, но я была уверена, скоро парта будет опять принадлежать только мне, а красавчик найдет компанию под стать. Но неожиданно он взялся помогать на проверочной.

Вот так несостыковка!

Помню, пялилась на него, как дура! Самой потом стыдно сделалось. Пришел незнакомый парень, с детского дома, а я сразу записала в подонки.

Я вдруг увидела мальчишку совсем по-другому. Задумчивый и непохожий на всех остальных. Руки зудели нарисовать его... Он заметил и повел себя так, будто у него от моих художеств рези. Испугалась, что опять, как с раздевалкой получится... Все загладить порывалась. После уроков встретила его в парке, и началось...

Он вдруг заболел.

А я навещала одноклассника каждый день. Сидела у его постели по часу, а случалось и дольше. Он лежал один, весь бледный, лоб в капельках пота, зубы сжаты так, что жилы на шее вздыбились, и лицо... Как реагировать, когда лицо человека меняться у тебя на глазах? Вся жизнь перевернулась в тот момент.

Страх понемногу улегся. Я наблюдала и зарисовывала каждую перемену в его внешности. Скоро болезнь начала отступать. Я не могла дожждаться, когда это «существо» придет в себя и расскажет, кто он. Вот только секретами новый одноклассник делиться не собирался и повел себя, как полный кретин.

А потом оказалось, что я и сама... «существо».

Не могу вспомнить момента, когда презрение переродилось в совсем другое чувство. Сначала очень хотелось напугать его. Так же сильно, как он напугал. И, надо сказать, получилось. Я веселилась от души, наблюдая, в каком он замешательстве.

Сам-то, небось, не видел девчонок в зеркальных отражениях. А еще «существо»...

А потом все как-то постепенно изменилось, и совсем расхотелось над ним издеваться. Захотелось совсем другого... Никогда и никого так близко к себе не подпускала. Никто не знал обо мне так много. Никто меня так не касался. Все было впервые, ново, остро...

Вспоминаю о нем, но даже в мыслях имени произнести не смею. Силюсь выдохнуть, а воздух застревает в легких, губы не слушаются. Имя... Чувствую его холодящий мятный вкус на кончике языка, его мягкий аромат – загадочное, таинственное. Оно спряталось где-то глубоко в груди, и я не могу выманить его наружу.

Указательным пальцем я принялась вычерчивать в воздухе буквы, украшая их завитушками и вензелями: надежная «Т», протяжная «И», задумчивая «М»... Вдруг ощутила, как воздух под руками загустевает и материализуется. Меня охватило волнение. Бодрящий импульс электрической волны пробежал по телу, и я начала рисовать. Пальцы, будто кисти, заполняли бесцветное пустое пространство воплощениями образов, рожденных памятью и фантазией. В небо взмыли башни с высокими шпилями, брызнули фонтаны и водопады, все сплеталось паутиной переходов, галерей и террас...

Смелым движением я прочертила в воздухе линию, разрезающую водное пространство и соединяющую черную башню со скалой. В то же мгновение легкая дымка у основания башни

загустела и превратилась в сизое облако. Облако заклубилось, закипело и из самого его центра брызнуло серебряно-ртутной массой, застывающей на лету. Тонкий арочный мост вырос на глазах.

Внутри все ликovalo. Я устремилась на мост. Но не успела ступить на дымчато-прозрачную поверхность, как громадные птицы – сторожа башни – поднялись в небо и тут же пикировали вниз, рассаживаясь по перилам вдоль всего пути.

– Убирайтесь! Убирайтесь! Откуда вы взялись!?

Я попыталась прорваться сквозь птичий кордон, но они свирепо набросились на меня.

– Чего вы хотите?! – взмолилась я. – Пустите!

Птицы галдели, щелкали клювами и хлопали крыльями.

– Это мой мир и только мне решать, кому здесь быть!

Неужели даже здесь я не свободна?

С той стороны родители, здесь эти птицы – всегда кто-то или что-то не позволяет приблизиться к нему.

Неужели нам не суждено быть вместе? Или всему виной моя ошибка?

Каждую ночь во сне снова и снова приходится выбирать между его спасением и собственной жизнью. Я слышу голос и слова «Это мой выбор!» Нет! Это был МОЙ НЕПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР! Это я выбрала для тебя совсем не тот путь, не ту судьбу, который ты был достоин.

Как вернуть мгновение, когда липкий страх прогнал решимость? Испугалась умереть в четырнадцать лет. А он не боялся... И после всего, что произошло, исчезла, не сказав: «Спасибо!», не сказав: «Прости!»... Как бы не стерегли родители, я могла вернуться раньше. МОГЛА!

– Я должна помочь ему, пустите!!!

Но птицы были неумолимы.

– Пустите! Я люблю его!

Я любила того мальчика... Никогда не поверю, что ему плевать, ведь глаза кричали об обратном. И пусть меня сожрут эти мерзкие твари, пусть скинут в океан! Уж лучше погибнуть, чем остаться на одинокой скале, так и не попробовав исправить ошибки.

Я решительно ступила на мост. Птицы опять засуетились, заклацали клювами. Я рванула к башне. Черные твари провожали злыми взглядами, но сторонились.

Глава 11

Я ворвалась в отражение и тут же ощутила резкий толчок. Все вокруг стремительно менялось. Мелькнула обстановка комнаты, потом яркий пучок света, и сразу наступили густые сумерки.

Где низ? Где верх?

Вокруг тусклое мягкое поле. Вдалеке виднеется что-то синее в ромбиках. А прямо надо мной растянулся покосившийся скрипичный ключ, забрызганный красными кляксами.

Куда я попала?

Послышались голоса.

– Ну, ты готов?

– Шоно, блин! Сколько раз говорить? Сначала стучишь, потомходишь!

Его голос!

– Знаем мы твои сверх-секретные дела...

– Мало ли? Может, я не один.

– Ну, так я могу составить компанию! Это... Ты почему еще не одет?

– Щас футболку накину и готово.

– Давай, шевелись! На улице пекло. Тоже переоденусь и поедем.

– Сам-то где всю ночь пропадал? Опять в «Метро»?

– Ну типа. Зря не пошел. Зачетный был батл.

– Как будто меня приглашали. Ну, и кто переплевал?

– Какой переплевал! Мы с Тимуром раскачали толпу не по-детски. Еще одна ляля новая отметилась, оч круто битбоксила.

– Но победил, конечно, ты?

– А то!

– Опять жульничал?

– Вот че сразу жульничал, а!?

– Шон, ты дождешься. Всех распугаешь, никто с тобой битбоксить не будет.

– Да нихера я не жульничал! Где мои сигареты?

– Где оставил, там и возьми!

Опять все начало меняться. Скрипичный ключ взмыл вверх. В глаза брызнуло светом, и я на миг ослепла. Мелькнул голый мужской торс, и меня выбросило в зазеркалье. На вершине черной башни прогуливались птицы, а вокруг все изменилось до неузнаваемости.

.....

Повсюду, на башнях, галереях и площадях моего зазеркального города, мерцали тысячи дверей. Одни появлялись, другие исчезали.

Черная башня тоже преобразилась. Она больше не походила на гладкий карандаш. Появились причудливые резные арки с колоннами. С разных этажей брали начало галереи, ведущие на мосты. Теперь мостов было несколько. Они разбегались лучами, соединяя башню с зазеркальным городом. С верхней площадки шла винтовая лестница вниз. Я тут же решила проверить, что там на других этажах.

Сбежав по ступенькам, очутилась на круглой террасе. Здесь было несколько дверей. Они мягко мерцали, приглашая войти. Я выбрала наугад одну и проскользнула невидимкой. Кажется, я все еще помню, как это делается.

Перед глазами опять поплыло.

Я оказалась в полумраке кабинета, заставленного громоздкой мебелью. Все вокруг деформировано – где растянуто, а где, наоборот, сжато.

За письменным столом расположился выхолощенный мужчина средних лет с зализанными волосами и в безупречном костюме тройке. Своими тонкими усиками он напоминал старого голливудского актера.

Рядом стояла дамочка в чрезвычайно узкой юбке и белой шелковой кофточке с глубоким вырезом. Она заискивающе улыбалась. В кресле напротив небрежно развалился другой мужчина – совершенная противоположность первого. Мама таких называла «плюгавенькими типами». Когда увидела этого тощего, лысоватого, небритого мужичонку в старом вязаном свитере и синих джинсах с вытянутыми коленками, на ум пришла именно эта характеристика.

– Спасибо, милочка, – сказал зализанный дамочке глубоким шелестящим голосом.

Мужчина потянулся куда-то поверх зеркала в слепую зону. В руках у него оказался кусочек рафинада.

– Дорогуша, здесь кое-чего не хватает, не находите?

– Ой, – выдохнула дамочка и всплеснула руками. – Извини... те, Виктор Валентинович. Молочник опять забыла. Сейчас принесу.

Дамочка засеменила к двери. Мужчины молча проводили ее угрюмыми взглядами.

– Рассчитай. Редкая дура, – равнодушно сказал зализанный плюгавому.

Вернулась дамочка.

– Вот, пожалуйста.

– Можете быть свободны, – зализанный расплылся отеческой улыбкой.

Дамочка удалилась. Мужчины продолжили пить кофе.

Зализанный был достаточно привлекательным, несмотря на возраст, и настолько же неинтересным. А вот плюгавый оказался персоной выдающейся. Рот, как старый рубец от шва, криво сделанного когда-то пьяным хирургом. Удивительно безобразный! Очень захотелось нарисовать плюгавого вот так, с маленькой кофейной чашкой в руках и утонченно оттопыренным мизинцем.

– Ну что, друг мой любезный, вернемся к нашим баранам, – заговорил плюгавый.

По спине пробежали мурашки.

Я знаю этот голос!

– Нда, – коротко вздохнул Виктор Валентинович и отставил чашку.

Он выдвинул ящик стола, достал черную кожаную папку и протянул плюгавому. Тот довольно цыкнул.

– Отлично!

Я попыталась подойти поближе и посмотреть, что там. Но плюгавый держал папку так, что содержимое не отражалось.

– Сумма красивая, – процедил он. – Музейщики, конечно, не потянут.

– На это никто и не рассчитывал. Как дела у поставщиков?

– Все идет, как по рельсам! Паровозик едет, колесики стучат... Партия уже в Украине. На днях товар закатают в битум и загрузят фуру. Машинка прибудет в Польшу к середине месяца, а потом сюда. Так что зеленые надо отслюнявить через три недели. У тебя как?

– Сегодня на закрытом совете проголосуют за сделку. Нужно количество людей я подготовил. Но и без моих стараний ясно, что выплата по страховке никого не устраивает. Дальше будет много возни с юристами, но в мировой практике прецеденты были, должно сработать.

– Ох, не знаю, Валентиныч. Библиотекари тоже не дебилы, они на страховые деньги двадцать таких книжечек купят. Небось, подзаработать не дураки.

– Ошибаешься, Семен. Книга уникальная. «Невосполнимая потеря»... Возьми любую газету. Никуда не денутся.

– А если не выгорит?

– Тогда по накатанной.

– Люблю, когда все схвачено и за все заплачено.

- Все, да не все. Что там за свидетель такой объявился?
- О! Тут интересная история. Мне птичка одна напела...
- Дверь в кабинет открылась, и кто-то заглянул. Я различила только темные волосы.
- Отец, я...
- Я сказал ждать с той стороны!
- Дверь тут же захлопнулась.
- Ты б с ним понежнее.
- Зализанный отмахнулся.
- На чем мы остановились? Продолжай.
- С нашего молодца, как с гуся вода, – Семен довольно потирал, будто намыливал, маленькие руки. – Свидетель, точнее свидетельница, будет молчать.
- Как устроили?
- А она сама и устроила. Во время допроса хлопнулась в обморок и до сих пор не очухалась.
- Это хорошо. Что с ней, не выяснили?
- Как же не выяснили. В шатре от грома не спрятаться. Та же птичка пеленочку с допроса передала. На манеже все те же... – плюгавый широко ощерился и откинулся назад. Черная папка поехала с колен. Он подхватил ее и захлопнул. – Только теперь нашу красавицу зовут Надина Серова. Новоиспечённая гражданка Бельгии.
- Я зажала рот рукой.
- Это то, о чем я думаю?
- Точно, – довольно протянул плюгавый.
- Э-э, Семен...
- Виктор Валентинович нахмурился. Встал, прошелся по кабинету и вернулся в кресло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.